

Вернувшись в свою всё такую же обветшалую комнату ученика, Юнь И не стал сразу приступать к варке эликсиров. Он бережно спрятал материалы и духовные камни, подаренные управляющим Ваном, а затем перевел взгляд на покосившийся котел, приютившийся в углу.

— Безупречное качество... — прошептал он, бездумно проводя пальцем по столешнице.

Успех однажды мог быть лишь случайностью, но чтобы прочно закрепиться на Великом состязании секты и в конечном итоге воплотить в жизнь амбицию стать всемогущим мастером, одних лишь вспомогательных свойств Духовного источника творения и оправданий в виде случайных озарений было явно недостаточно. Ему требовалось системно понять систему алхимии этого мира, осознать не только то, как это работает, но и почему именно так. Только глубоко объединив современное научное мышление с местными метафизическими знаниями, он сможет проложить свой собственный путь.

Размышляя об этом, он больше не стал медлить и отправился в Павильон священных писаний секты Цинъюнь.

Павильон располагался на склоне главного пика — это была величественная семиэтажная башня с изогнутыми карнизами и сложными кронштейнами, дышащая древностью. Стоило переступить порог, как в нос ударил густой аромат старых свитков, благовонной древесины и легкий запах трав, отпугивающих насекомых. Первый этаж был самым просторным: ряды плотно заставленных полок тянулись стройными линиями, предлагая ученикам начальной ступени Закалки Ци и стадии Закладки Основания базовые техники, нефритовые таблички с заклинаниями и разнообразные справочные пособия.

У входа на подстилке, скрестив ноги, сидел старик с седыми волосами и бородой, облаченный в серый халат старейшины. Его дыхание казалось бездонным, словно он слился воедино со всем Павильоном. Юнь И почтительно поклонился, но старик даже не поднял век, лишь слегка кивнул.

Цель Юнь И была ясна, и он направился напрямик в секцию, помеченную как Алхимия. Прежде всего он искал фундаментальные труды: Иллюстрированный справочник трав, Основы анализа свойств лекарственных средств, Первые шаги в управлении огнем при варке эликсиров. Эти знания его прежний владелец тела когда-то уже изучал, но делал это поверхностно, полагаясь лишь на механическую зубрежку.

Он нашел тихий уголок и погрузился в чтение.

Время незаметно утекало под аккомпанемент шелеста страниц и едва слышного гула нефритовых табличек, прижатых ко лбу. Юнь И читал невероятно быстро: способность запоминать всё с первого взгляда позволяла ему впитывать знания с поразительной эффективностью. Однако чем глубже он погружался в материал, тем сильнее хмурился.

Алхимическая теория этого мира была переполнена макроскопическими концепциями вроде гармонии Инь и Ян, взаимопорождения и преодоления пяти стихий, а также принципами

государя, министра, помощника и посланника. Особый акцент делался на внутреннем состоянии, чутье и опыте алхимика. Конкретные механизмы реакций, количественные стандарты преобразования энергии, точные причины появления примесей и методы их удаления часто описывались крайне туманно или же вовсе опускались с помощью обтекаемых фраз вроде когда придет время — само получится или по зову духовной энергии.

— ...Листья росы холодны по своей природе, их нужно медленно томить на мягком огне, извлекая эссенцию и удаляя вяжущую горечь... — Юнь И читал описание обработки травы и подсознательно возражал: — Что такое мягкий огонь в градусах? Сколько времени длится медленное томление? Что именно представляет собой вяжущая горечь? Это щавелевая кислота или танины? Какой метод позволит удалить их эффективнее?

Он понял, что алхимики этого мира напоминали скорее группу старых мастеров, полагающихся на бесконечные пробы, ошибки и накопленный опыт. Традиции здесь ценились выше инноваций, а интуиция — выше данных. Успешный результат часто приписывали некоему таинственному озарению или удаче, а неудачу списывали на нехватку опыта, нечистоту помыслов или изъяны в материалах.

— Отсутствие микроскопического видения, отсутствие количественных стандартов, отсутствие стремления к исследованию самой сути материи... — Юнь И закрыл книгу Записки алхимика и тихо выдохнул.

Этот разрыв в восприятии лишь укрепил его в мысли, что его собственный путь — объединение с методологией современной науки — хоть и выглядит в глазах местных ересью, возможно, куда ближе к истинной сути алхимии, заключающейся в точном контроле над законами материи и энергии.

Он встал, разминая затекшую шею, и бесцельно обвел взглядом бесконечные стеллажи, пытаясь отыскать записи, которые могли быть упущены или написаны с иной точки зрения.

Он подошел к полке в углу, покрытой толстым слоем пыли, где были свалены рваные свитки из шкур зверей и бамбуковые планки. Здесь хранились в основном древние, редкие или считавшиеся бесполезными книги: записки путешественников, сомнительные рукописи и фрагменты утраченных текстов.

Юнь И перебирал их без особого интереса, когда его пальцы вдруг замерли на свитке из какой-то неизвестной выделанной кожи с изрядно потрепанными краями. Обложка была настолько стерта, что с трудом можно было разобрать лишь несколько древних иероглифов: Дедукция Механизмов Всех Вещей.

Сердце екнуло. Он осторожно вытянул свиток, сдул слой пыли и, сев прямо на пол, бережно развернул его.

Первые строки текста оказались сложными и витиеватыми, совершенно не похожими на стиль классических алхимических трактатов. В них не было ни слова об Инь и Ян, ни намек на

духовное созерцание. Напротив, автор с какой-то простой, почти упрямой пытливостью пытался разобрать и проанализировать устройство и изменения окружающего мира.

— ...Наблюдение за кипением воды: это не результат божественной силы, а следствие накопления тепла и усиления движения молекул воды...

— ...Огонь при столкновении камня и металла — не чудо пяти стихий, а результат быстрого трения, при котором кинетическая энергия превращается в тепловую и световую...

— ...Рост трав — это не только питание духовной энергией, но и сочетание определенных элементов в солнечном свете, воде и почве...

Глаза Юнь И засияли! Пусть эти описания были грубыми, а некоторые выводы с точки зрения современной науки — ошибочными, но их ядро заключалось в попытке объяснить мир через объективные законы, а не через мистицизм! Упомянутые здесь понятия молекул, кинетической энергии, тепловой энергии и элементов, хоть и назывались иначе, странным образом перекликались с его научным мировоззрением.

Он быстро пролистал дальше. Вторая половина свитка была сильно повреждена, но в разрозненных записях о реакциях минералов и сочетании свойств растений он увидел зачатки идей, напоминающих нейтрализацию кислот и щелочей, катализ и растворимость. Автор, казалось, пытался создать логическую теорию, основанную на взаимодействии свойств самой материи, а не на расплывчатых принципах взаимопорождения.

Автор Дедукции Механизмов Всех Вещей казался одиноким первопроходцем, который в мире, поглощенном метафизикой, с трудом зажег свечу разума. Пусть она была слабой и почти погребенной под пылью веков, но её свет пронзил время и пространство, коснувшись души Юнь И.

— Оказывается... я не одинок в своих мыслях. — Юнь И погладил твердый, одинокий почерк на кожаных страницах. В его сердце всколыхнулось невыразимое волнение и чувство сопричастности, словно в бескрайней пустыне он наконец нашел единомышленника — человека, с которым он никогда не встречался, но чьи мысли были ему близки.

Не раздумывая, он взял свиток и подошел к старейшине у входа.

— Старейшина, ученик хотел бы взять этот свиток для изучения. — Юнь И почтительно протянул находку.

Седовласый старик наконец открыл глаза — мутные, повидавшие многое на своем веку. Он бросил взгляд на свиток в руках Юнь И, затем на самого юношу и прохрипел:

— Дедукция Механизмов Всех Вещей? Это лишь обрывки, содержание абсурдно и бесполезно

для совершенствования. Книга пылится здесь уже много лет. Ты уверен, что хочешь её взять?

— Уверен, — твердо ответил Юнь И.

Старейшина не стал больше спорить. Он лишь слегка провел рукой по свитку, и тот вспыхнул слабым светом, завершая регистрацию выдачи.

— Вернуть в течение месяца.

— Благодарю, старейшина.

Юнь И бережно спрятал свиток за пазуху, чувствуя воодушевление, которое было даже сильнее, чем при получении подарка от управляющего Вана. Выйдя из Павильона священных писаний, он посмотрел на окутанные туманом горные пики, и чувство отчужденности, преследовавшее его в этом чужом мире, стало чуть менее острым.

Путь впереди все еще оставался туманным, но он больше не был одинок в своих поисках. По крайней мере, в этих древних обрывках он увидел иную возможность и нашел безмолвного единомышленника.

<http://bllate.org/book/18931/1853021>